

КИФА

2 (76)

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА
МАЛЫХ
ПРАВОСЛАВНЫХ
БРАТСТВ
ФЕВРАЛЬ
2008
в газете использованы
материалы сайта sf.ru
электронная версия газеты
gazetakifa.ru

В МОСКВЕ ПРОШЛИ РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ЧТЕНИЯ

Мы публикуем сообщения о наиболее интересных секциях и фрагменты докладов

Работа секции по миссии

В рамках XVI Рождественских чтений 30 января 2008 г. прошла конференция Миссионерского отдела РПЦ МП «Апостольское служение свт. Иннокентия митрополита Московского и Коломенского и современные проблемы миссионерской деятельности Русской Православной Церкви»

В первой половине конференции, после краткого вводного слова председателя президиума архиепископа Белгородского и Старооскольского Иоанна, председателя Миссионерского отдела при Священном Синоде РПЦ, докладчики выступали с докладами о миссионерской деятельности свт. Иннокентия (Вениаминова) на Камчатке, Алеутских островах, в Северной Америке, Якутии и Хабаровском крае. С докладом «Служение святителя Иннокентия (Вениаминова) в Якутском крае» выступил епископ Якутский и Ленский Зосима.

На открытии Рождественских чтений

(Фото с сайта www.patriarchia.ru)

Продолжение на с.2

В номере:

Исполнилось 100 лет со дня кончины Н. Н. Неплюева

Основанное им Крестовоздвиженское братство пережило своего основателя на 20 лет. С. 3

Господь дает нам опыт мучеников, чтобы мы учились

Интервью с игуменом Дамаскиным (Орловским), автором-составителем многогранной монографии «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия». С. 4

НАМ ВАЖНО УЧИТЬСЯ ВЕРИТЬ В ИСКРЕННОСТЬ ДРУГ ДРУГА

Интервью с епископом Саратовским и Вольским Лонгином

(Фото из журнала «Православие и современность», 2007, №5(21))

«Кифа»: Меня очень заделли Ваши слова о том, что очень важно, чтобы была многообразна картина, которую бы отражали православные СМИ, чтобы могли существовать разные мнения и чтобы они не воевали друг с другом, а могли вести какую-то конструктивную полемику. Как Вам кажется, по каким темам в первую очередь важна такая полемика?

Епископ Саратовский и Вольский Лонгин: Наверное, прежде всего это подведение того опыта двадцати лет в условиях возрождения духовной жизни церкви, который у нас на сегодняшний день имеется. Этот опыт необходимо обсуждать, наверное, всем нам, потому что было много ошибок, было много горячности. Было много того, что требует корректировки. Но при этом очень важно изначально доверие к искренности — презумпция искренности, скажем так, по отношению ко всем собеседникам. Мы очень часто, и это понятно, поскольку темой нашей жизни, темой нашего общения является истина, ассоциируем свои пусть частные мнения, свой опыт, пусть даже очень интересный, с истиной в целом и начинаем его защищать слишком, может быть, жестко. Хотя разномыслия могут быть — именно для того, «чтобы открылись искусные». Но при этом разномыслия должны обсуждаться.

«Кифа»: Разделенный не должно быть.

Епископ Лонгин: Да. Когда какой-то группе ее разномыслия очень дороги, и она с этими разномыслиями пытается уйти куда-то в сторону и говорит, что все остальные не правы, а мы нашли самое то, настоящее — это неправильно. Очень важно, чтобы церковь была единой, чтобы она не разделилась на какие-то сообщества по интересам, какие-то группы по симпатиям и антипатиям, чтобы не было того, о чем сказано еще в Писании: «Я Павлов, я Кифов, я Апполосов». Потому что мы все Христовы. Ведь Христос распялся за нас, а не кто-то.

«Кифа»: В то же время, как мне кажется, стремление к единству не должно становиться стремлением к единообразию. Важно, чтобы мы действительно сохраняли свое лицо, не заходя за определенные рамки.

Епископ Лонгин: Я бы сказал так: стремление к разнообразию само по себе тоже не ценность.

«Кифа»: Однако важно, чтобы каждый мог остаться собой в ту меру, в которую Христос в нем являет Себя.

Епископ Лонгин: Это безусловно, я с этим согласен. Но и какое-то нарочито подчеркивание своего своеобразия тоже неправильно, причем не важно — с левой стороны, с правой стороны. На самом деле все это очень быстро соединяется, крайности сходятся.

«Кифа»: Да, это правда.

Епископ Лонгин: И мы имели тому массу примеров.

«Кифа»: Не случайно фарисеи вместе с саддукеями Господа преследовали.

Епископ Лонгин: Совершенно верно. И, конечно, не надо забывать, что мы приходим ко Христу в Церкви. Мы приходим для того, чтобы стать членами Его Тела и для того, чтобы исполнить Его заповедь о любви, о любви к Богу и к людям. Мне кажется, это очень важно. Если мы будем забывать о том, что любовь в основе всего, тогда ничего не будет получаться. Можно сделать очень правильные вещи, но они будут пустошеством.

Беседовала Александра Колымагина
Интервью дано во время работы журналистской секции Рождественских чтений 30 января 2008 г.

«Жизнь общины для меня дороже моего личного существования»

Стоявший в программе Рождественских чтений, но не прозвучавший на них по независящим от автора обстоятельствам доклад Екатерины Степановой о священномученике Анатолии Жураковском. С. 5

Церковные СМИ и вопросы нравственности

Мы публикуем фрагменты одного из наиболее интересных докладов журналистской секции Рождественских чтений. С. 6

Маргиналы объединились с маргиналами...

Но не надо бояться этого — маргиналами были и первые христиане.

Профессор протоиерей Георгий Митрофанов размышляет о плодах объединения РПЦ и РПЦЗ. С. 7

В приложении «Открытая встреча» — ответы на вопросы и статьи, посвященные памяти Владимира Высоцкого и Александра Башлачева

В СФИ СОСТОЯЛАСЬ ЗАЩИТА МАГИСТЕРСКИХ РАБОТ ПО КАФЕДРАМ ИСТОРИИ ЦЕРКВИ И СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ

В Свято-Филаретовском институте 29 января 2008 г. состоялась защита двух работ на соискание степени магистра богословия по кафедрам Истории церкви и Священного писания.

Работа студентки СФИ, к. филол. н., доцента СПбГПУ Ю. В. Балакшиной «Движение обновления Церкви в период первой русской революции» представляет собой опыт изучения источников, сохранившихся в архивах Санкт-Петербурга о «группе 32-х» — священников, впервые поставивших вопрос перед церковью и обществом о необходимости церковных реформ. Выводы исследователя, ранее публиковавшихся материалы по данной теме, часто предшествовали конкретным историко-богословским изысканиям. В работе Ю. В. Балакшиной, наоборот, максимально полно представлена историография вопроса. Ею был изучен фонд Санкт-Петербургской Духовной Консистории, фонд Общества распространения духовно-нравственного просвещения, фонды журнала «Церковный Вестник» и ряд личных фондов. В результате были выявлены новые документы: это, в первую очередь, переписка «группы 32-х», позволяющая проследить позиции ее членов по целому ряду вопросов, устав Братства ревнителей церковного обновления. Исследователю широко использовалась периодическая печать того времени, привлекая малодоступные издания, а также опубликованные воспоминания и письма. Особую ценность представляют приложения к работе. Здесь на основе самостоятельных изысканий даны сведения об участии

каждого из участников движения, не известные историкам — в частности, о свящ. Владимире Коллачеве, свящ. Иоанне Крылове и др.

Рецензент, ст. науч. сотр. Института русского языка РАН, к. филол. н. А. Г. Краевский, говоря о достоинствах работы, отметил, что автору удалось сохранить объективность, не встав на сторону того или иного участника дискуссии начала XX в., и показать эволюцию «группы 32-х» от церковно-политического объединения к церковному.

Научный руководитель работы ст. науч. сотр. ИРИ РАН, к. и. н. Е. В. Белякова указала, что в результате исследования появилась четкая обособленная схема развития: «группа 32-х» — Союз церковного обновления — Братство ревнителей церковного обновления. По мнению Е. В. Беляковой, студентке удалось изучить Движение церковного обновления в контексте политических событий; увидеть разнообразие позиций людей, составлявших Движение; рассмотреть его как внутрицерковное явление. Ю. В. Балакшина сумела снять с Движения обвинения в политизированности и показать, что участники движения отнюдь не были пешками в руках политических партий, но пытались найти свою позицию, не отстраняясь от участия в жизни страны на переломном этапе.

Студент СФИ В. С. Зыков в своей работе «Проблемы интерпретации слова haadam, используемого в двух библейских отрывках о сотворении человека (Быт 1:27; 2:7)», в литературе эпохи второго Храма: от текстов ветхозаветных апокрифов и Септуагин-

ты к текстам новозаветным и раввинистическим» рассмотрел различные интерпретации слова haadam: «человек», «человечество», «первый человек, сотворенный Богом».

Один из рецензентов работы библист и г. Иннокентий (Павлов) отметил, что проведенное исследование позволяет установить, как прежняя библейская традиция понимания одного из ключевых библейских терминов была затем воспринята христианским новозаветным Преданием и иудаизмом. Другой рецензент, известный переводчик Священного писания М. Г. Селезнев, указал на значимость проведенного исследования для создания новых переводов Ветхого завета.

Научный руководитель работы, преподаватель кафедры Священного писания, доц. РГУ А. И. Шмайна-Великанова подчеркнула, что автору удалось показать, как, начиная с Филона Александрийского, пути иудаистского и новозаветного толкования рассказов о сотворении первого человека расходятся; далее новозаветная экзегеза приходит к идее Христа как Нового Адама, а иудаистская — к каббалистической идее Адама Калмона. Она указала, что автор проделал самостоятельное исследование, результаты которого являются важным вкладом в библейскую философию, богословие, и антропологию.

В результате успешной защиты работ В. С. Зыкову и Ю. В. Балакшиной присуждена степень магистров богословия, сами магистерские работы были оценены на «отлично» и рекомендованы к публикации.

3 февраля исполнилось 100 лет со дня кончины основателя Крестовоздвиженского православного трудового братства Н. Н. Неплюева

Крестовоздвиженское братство (годы деятельности: 1889-1929 гг.) — редкая в России попытка устройства православного братства на основании последовательной общинно-братской экклезиологии. В основу этого братства легли богословские и социальные концепции его основателя Николая Николаевича Неплюева (24.09.1851—03.02.1908 н.ст.), который вложил в него всю жизнь, избрав путь безбрачия, и средства, включая собственное огромное состояние.

Основной идеей Неплюева была мысль о необходимости единения между христианами, которое осуществляется в христианской общине. Такие общины могут быть объединены в трудовое братство. Братскую жизнь Неплюев считал делом Божиим, которое должно стать для человека потребностью всей жизни. В противном случае, он будет верен братству только до тех пор, пока жизнь в нем ему удобна. По мысли Неплюева, священной обязанностью братолюбия является труд, в т.ч. труд духовный — добровольная дисциплина любви. Это заключалось в признании общей для всех братчиков иерархии ценностей: служение Богу воплощается в устройстве трудового братства, которому важно подчинить свои личные и семейные интересы.

Основу Крестовоздвиженского братства составляли общины, образованные по профессиональному признаку под общим руководством Неплюева и думы, состоящей из наиболее ответственных братчиков. Членству в общине каждого члена братства придавалось принципиальное значение: безобретения навыка любви к братьям и сестрам своей христианской общины невозможно научиться любить братство и церковь. Подготовительным этапом для жизни в братстве были школы, в которых детей учили не только верить в Бога, но и жить по своей вере. Стремление к осмысленной жизни по вере находило свое выражение в ежедневной молитвенной жизни общин, в общербратских беседах, специальных молитвенных собраниях, а также в опыте братского богослужения, в котором частично использовались русский язык, а отдельные молитвы и псалмы читались самими братчиками. Этот опыт позднее был зафиксирован в братском священнике о. Александром Секуновым на Поместном Соборе Православной Российской Церкви 1917—1918 гг.

Неплюев считал, что обществу требуется новая христианизация, т.к. люди не живут по вере, а духовность ничего не делает, чтобы исправить эту ситуацию. В 1906 г. в №№ 6 и 7 «Трудов Киевской духовной академии» была напечатана его статья «Голос верующего мирянина по поводу предстоящего Собора», в которой он предложил ряд реформ церковной жизни для рассматриваемого Поместным собором. Он подверг резкой критике церковную жизнь: «приходы распылены, превратились в фикции», многие представители духовенства руководствуются «не правдой Божией, а указами и предписаниями начальства», выдавая антицерковную рутину за «истинное православие». Неплюев видел возможность улучшения церковного управления в восстановлении принципа соборности, т.к. его нарушение приучило мирян «не считать себя ответственными членами церкви». Требуется «исправить редакцию богослужебных книг до взаимительности их содержания и сделать богослужебный язык общедоступным». Насущной необходимостью Неплюев считал восстановление в церкви «института катехетов» (или — института катехизации). «Школу катехетов» должны пройти «все верующие из того, чтобы иметь ум и сердце крещеными и не позорить Церкви жизнью своею». Вместе с тем необходимо издать совершенно новый катехизис, более «взаимительный и жизненно-полезный».

Н. Н. Неплюев мечтал организовать Всероссийское братство на основе приходов, которые должны стать живыми клетками церковно-государственного организма. Однако осуществить этот проект ему не удалось. В декабре 1907 г. он тяжело заболел и 3 февраля 1908 г. отошел ко Господу. После смерти Неплюева Крестовоздвиженское братство просуществовало до 1925 г., когда были репрессированы наиболее преданные братству люди. Окончательно свое существование Крестовоздвиженское трудовое братство прекратило во время приходов, которые должны были стать живыми клетками церковно-государственного организма. Однако осуществить этот проект ему не удалось. В декабре 1907 г. он тяжело заболел и 3 февраля 1908 г. отошел ко Господу. После смерти Неплюева Крестовоздвиженское братство просуществовало до 1925 г., когда были репрессированы наиболее преданные братству люди. Окончательно свое существование Крестовоздвиженское трудовое братство прекратило во время приходов, которые должны были стать живыми клетками церковно-государственного организма.

В настоящее время сочинения Неплюева мало известны в церкви, в то время как его литературно-богословское наследие заслуживает глубокого внимания. Его значение отмечал журнал «Православная община», а также известный историк церкви проф. — протопр. Виталий Боровой. «Наши богословы и религиозные мыслители XIX—XX веков — Хомяков, Соловьев, Достоевский, Неплюев, Немелов, их учение, их религиозная философия — это та закваска, на которой сейчас растёт, ширится и обретает силу христианская мысль», — говорил он в одной из проповедей 1977 г.

1-го февраля в СФИ состоялась защита бакалаврской работы Натальи Игнатовны «Исторический очерк деятельности Крестовоздвиженского трудового братства, основанного Н. Н. Неплюевым (1889-1929 гг.)», в которой были рассмотрены взгляды Н. Н. Неплюева, а также история братства, его структура, хозяйственная деятельность и духовная жизнь.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ СБОРНИКА МАТЕРИАЛОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ЦЕРКОВНОЕ ИСКУССТВО, ЕГО ВОСПРИЯТИЕ И ПРЕПОДАВАНИЕ» ПРОШЛА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Презентация сборника материалов Всероссийской конференции «Церковное искусство, его восприятие и преподавание» прошла в Санкт-Петербурге 17 января. Организаторами этого открытого для органа события стали Свято-Филаретовский православно-христианский институт (Москва), Свято-Петровское малое православное братство (СПБ), Русская Христианская гуманитарная академия (СПБ) и газета «Кифа» (Москва-СПБ).

Открывая презентацию, председатель Свято-Петровского братства Владимир Валентинович Коваль-Зайцев призвал всех собравшихся провести ее в жанре заинтересованного диалога. Этот разговор начался с выступления А. М. Копировского, магистрат богословия, кандидата педагогических наук, составителя и одного из авторов сборника, а также председателя оргкомитета конференции, по материалам которой был издан сборник Александра Михайловича знают в Петербурге больше 25 лет — с тех пор, как он преподавал в духовной академии города церковную археологию.

А. М. Копировский рассказал, что Свято-Филаретовский институт, организовав конференцию о церковном искусстве, ставил своей задачей расширить круг участников, обсуждающих эту проблематику, включив в него не только искусствоведов, но и священнослужителей, педагогов, психологов, а также самих творцов этого искусства — прежде всего, современных иконописцев. Кратко рассказав о том, что понимали под церковным искусством в истории, он отметил, что в XX веке художественное и богословское значение церковного искусства часто противопоставлялись. Далее докладчик описал основные проблемы, поставленные в докладах. Особым вдохновением для гостей, особенно тех, кто еще не успел познакомиться с книгой, стал показ на большом экране наиболее интересных иллюстраций к опубликованным в ней докладам.

Продолжила разговор Вера Николаевна Залеская, доктор искусствоведения, зав. сектором Византии и Ближнего Востока отдела Востока Эрмита-

жа. Она рассказала на конкретных примерах о проблеме определения назначения культовых предметов, являющихся произведениями искусства, а также показала слайд уникальной плащаницы, вышитой в XVII веке, наплечники на которой сделаны на греческом и арабском языках.

Ирина Александровна Шалина, кандидат искусствоведения, сотрудник Русского музея, высказала предположение, что приписываемый иконописцам XVII века отказ от канона на самом деле вызван «нашей недостаточной образованностью», и что непривычные для нас детали иконы входили в канон в более ранние века. Также она отметила, что в современном иконописном искусстве не хватает образности и метафоричности, а иногда в нем допускаются серьезные нарушения и формы, и содержания церковной традиции.

Игумен Александр (Федоров), кандидат архитектуры, кандидат богословия, доцент Российской академии художеств и доцент СПбДА, с большой теплотой вспомнил о том, как учился у А. М. Копировского 25 лет назад не только на его лекциях в СПбДА, но и во время встреч в домашней обстановке. О. Александр считает, что светские и богословские вузы должны специализироваться на разных сторонах церковного искусства. Главное — чтобы при этом была открытая среда общения, в которой все специалисты могли бы делиться своими открытиями и достижениями. В завершение он заметил, что Россия, в отличие от Запада, сумела сохранить каноническое искусство, в результате чего в ней не произошло его полного разрушения, как это случилось в XX веке в Европе. «Значит, мы имеем право на оптимизм», — закончил о. Александр.

Директор Православного института миссиологии и экзегезы в Санкт-Петербурге прот. Владимир Федоров приветствовал всех гостей от имени ректора РХГА Д. К. Булкина (в стенах РХГА проходила презентация). Он подчеркнул миссионерское значение церковного искусства во всех его проявлениях. В отношении пре-

подавания церковного искусства о. Владимир отметил: «Главное — воспитывать вкус и в богословии, и в гимнатике, и в церковном искусстве».

Вера Борисовна Казарина, секретарь Международной научно-практической конференции и выставки «Традиции древнерусского шитья и современного образования» рассказала об удручающей ситуации в области возрождения древнерусского шитья, вынужденного выживать в условиях расцвета ширпотреба и компьютерной вышивки.

Иконописец Филипп Давыдов заметил, что иконописцы работают в своих мастерских и вступают в отношения только с настоятелями, в храмы которых пролают иконы. Это значит, что сегодня икона все еще не существует как соборное искусство.

Преподаватель Иконописной школы в СПбДА Александр Васильевич Стальнов считает главным вопросом преподавания церковного искусства определение современного православного образа. Современная академическая форма обучения иконописца, по его мнению, не дает человеку раскрыться так, как это было в древности. Затем он подчеркнул, что список, предполагающий живое прочтение произведения, в принципе отличается от копии, и что «в древности писали все по-новому», благодаря действию Духа Святого.

Марина Николаевна Цветаева, преподаватель курса РХГА «От иконы до авангарда», заметила, что духовное искусство можно увидеть, понять и почувствовать из разных точек бытия, даже через модернизм, который по существу является исповедью о пустоте и небытии человека. Она призвала не отвергать светское искусство, ведь и оно может подвести человека к глубине, причем не только эстетической.

Далее в живом общении многие участники презентации не только благодарили организаторов за высокий уровень докладов и интересные, животрепетливающие вопросы, затронутые в них, но также выразили желание продолжить начатый разговор в форме круглых столов или семинаров.

Анастасия НАКОНЕЧНАЯ

ГОСПОДЬ ДАЕТ НАМ ОПЫТ МУЧЕНИКОВ, ЧТОБЫ МЫ УЧИЛИСЬ

Интервью с игуменом Дамаскином (Орловским), автором-составителем многотомной монографии «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия»

Е. Степанова: С одной стороны, можно восхищаться тем сонмом новомучеников, который был явлен в XX веке, а с другой стороны, это все-таки было катастрофой для Церкви, потому что лучшие люди были уничтожены. В этом контексте встает вопрос о том, каким образом наследовать в Церкви опыт новомучеников и как последствия этой катастрофы восполнять? Как бы Вы оценили эту ситуацию?

Игумен Дамаскин (Орловский): Поскольку Церковь живет и в мире вечноности, и в мире земном, то церковные проблемы — это всегда и проблемы вечности, и проблемы земные. Если в XX веке случилась катастрофа, то можно сделать вывод, что, видимо, совместное строительство церковное и государственное стало уже невозможным, поэтому вторая цель, земная (т.е. бытие Церкви как силы, освящающей государство), стала недостижима. Если между Церковью и государством отношения благожелательные, то люди, рождающиеся в России, через Церковь могут и действительно попадать в Царство Небесное. Видимо, этот процесс к началу XX века по каким-то причинам стал

кризисным. Хотим мы или нет, но мы не можем спорить с историей. Поэтому Промыслу Божию не оставалось никакой возможности вовлечь людей в Царство Небесное, кроме как пути мученического. Для каждого человека это была личностная встряска, потому что так или иначе все попадали в это положение. Ведь история не происходит «где-то вдалеке». Но зато, «встрянувшись», люди имели возможность войти в Царство Небесное. Все равно главная цель остается одна — спасение. Но получилось, что возможность для спасения в условиях мирных оказалась несколько ограниченной. Оказалось что, в условиях войны безбожного государства с Церковью, когда человек боролся за свое право жить вечно, только на этом пути и возможно было войти в Царствие, осуществить эту первую и главную задачу.

Как вникнуть в опыт новомучеников? Можно сказать, что для современного человека это — подвиг, потому что современная жизнь не располагает к вниканию в страдание. Церковь же говорит современному человеку, что нет иного пути, кроме как приблизиться к страдальческому опыту мучеников. Мы

учимся или на своем опыте, или на чужом, другого пути нет. Господь дает нам опыт мучеников, чтобы мы учились. Если польстимся на это, — то ставили свою личную жизнь, учитывая их опыт, в кризисное положение, т.е. в положение не когда мы благополучны, а когда мы неблагополучны, когда с нами может случиться катастрофа. На самом деле она и так и так может случиться. Любой человек живет в состоянии катастрофы — он же не знает, что с ним может случиться. Опыт новомучеников и неожиданность отвержения всей истории страны в этот опыт как раз зримо показывает, что этот опыт катастрофы к нам и к каждому из нас очень близок.

Е. Степанова: Есть же еще и определенная сложность в том, что о многих и многих практически не сохранилось Церковной памяти, есть только следственные дела, а это очень специфический материал.

Игумен Дамаскин: Да, к сожалению, нет живого Церковного предания, т.е. нет воспоминаний. Поэтому для исследователя возможен лишь очень тяжелый путь — реставрация через исследо-

вание архивно-следственных дел. Мне в данном случае проще: прежде чем исследовать дела, я исследовал устное предание, и для меня они звучат немного по-другому.

Е. Степанова: Т.е. у Вас была возможность еще встретиться с людьми, которые помнили?

Игумен Дамаскин: У меня была масса воспоминаний живых людей. Поэтому я мог провести сравнительный анализ живого воспоминания с архивным делом. Проведя эту предварительную работу, я пришел к каким-то выводам: что достоверно, какие могут быть нюансы. Поэтому мне в этом смысле проще, потому что вглубину эффективно исследовать архивное дело можно только в случае массовости исследования, когда исследуются тысячи дел. Когда изучаешь архивные материалы о сотнях людей, пересекающихся друг с другом, то волей-неволей имеешь значительно большую информацию, потому что уже знаешь, где эти люди были, что друг о друге говорили, в каких обстоятельствах жили. Любое увеличение информации уменьшает количество ошибок.

В ЕГО ПРИХОДЕ ВСЕ БЫЛИ «НЕДОБИТЫЕ» РАФИНИРОВАННЫЕ ИНТЕЛЛИГЕНТЫ

О протоиерее Алексее Александровиче Глаголеве, исповеднике веры и «праведнике мира», вспоминает его внук — Артемий Оганесович Пальян

Каким Вы запомнили о. Алексея?

Ой, очень веселым. Он был совершенно незакомплексованный. Он учился музыке у матери Михаила Булгакова. Дедушка (о. Алексей) был математик, педагогический закончил. Но когда он пришел в школу, дети к нему несерьезно отнеслись. Они все кричали: «Не дошло! Не дошло!» И после школы где и кем он только не работал: и в зоопарке зверей кормил, и на кондитерской фабрике. А бабушка (Татьяна Павловна) у меня по образованию геолог, но по профессии не работала. Дедушка принял священство во время войны. Потом они начали свою известную деятельность по спасению евреев. Бабушка спрятала свой паспорт еврейки. А дедушка всем ставил печать для просфор. Они нашли пачку церковных бланков и всем выдавали справки о крещении: ставили на них эту печать для просфор.

Как мать Мария?

Да. Поэтому мама почетный гражданин Израиля, а дедушка «праведник мира» посмертно.

А прадедушка (о. Александр) был последним ректором Киевской духовной академии, «Могилянки» нашей. И во время дела Бейлиса он был экспертом защиты. Он преподавал древнееврейский в академии и вообще знал 18 языков. А еще он венчал Михаила Булгакова с его первой женой. С этого «Белая гвардия» начинается. Не с венчания, а с того, что после смерти матери Алексей Турбин идет к отцу Александру Глаголеву (в книге он просто о. Александр) за утешением. А потом прадедушку в 1937-м забрали, его допрашивали. Обычно человек, который выживал после двух допросов, сходил с ума. Так вот прадедушка выдержал 27 допросов. В свидетельстве о смерти написано, что он умер в больнице. Когда он умер, тюремщики долго говорили, что он жив, и принимали передачи.

Есть такая легенда, что к Вашему деду во время оккупации приходили незна-

мые люди и говорили: «Ваш отец защищал нас во время дела Бейлиса, и Вы тоже защитите». Это правда?

Вначале никто не знал, что будут расстрелы. Все говорили, что будут эшелоны, которые будут увозить. Когда людей уже просто колоннами погнали в Бабий Яр, тогда стоило одному узнать об этом, и уже один за другим к дедушке начали приходить евреи. И один раз он на этом чуть не погорел. Были (я не помню фамилии этих людей) отец и сын, оба обреченные. Дедушка им дал эту справку о крещении. Они оба хорошо говорили по-немецки. Сын был немного нервный. Когда их задержали, сын заговорил по-немецки. Его спросили, откуда он так хорошо знает язык. Молодой человек ответил, что у него отец хорошо говорит по-немецки. Их арестовали и раздели, обнаружили, что они обречены. Тогда уже дедушку вызывали непосредственно в гестапо. И его уже просто Господь спас.

А Вы с какого возраста его помните? Сколько себя помните.

Он был доступен для внуков?

Мы жили в двух кварталах от Софийского собора, напротив пожарной каланчи. А дедушка жил внизу Андреевского спуска. Он приходил к нам чуть ли не каждый день. Все это было очень весело. Он был большой шутник. У него не было никакой «пастырской солидности». Когда дедушка приходил, это всегда был праздник. Во-первых, он всегда что-нибудь приносил. У нас на углу стоял игрушечный ларек, а там гастроном, и вот через эти два места он к нам приходил.

А он занимался с Вами чем-нибудь, или это был просто праздник?

Дедушка был очень живой человек, всегда улыбающийся. Он приходил к нам, и мы с ним ехали на ВДНХ, либо в зоопарк, либо просто садились на Контрактовой (тогда Красной) площади на трамвай и ехали в лес. На праздники, особенно на Рождество, когда у

Прот. Александр Глаголев с семьей сына: справа-налево: Татьяна Павловна, Алексей Глаголев, их дети — Магалина и Николай

них дома собирался весь клан, это вообще было что-то прекрасное.

А на службе Вы были у него?

Конечно, бывал. В алтаре.

Прислуживали?

Нет, я не прислуживал, но дружил с теми, кто помогал.

А как он служил?

Дедушка служил во многих церквях. В начале на Подоле, потом в церкви Николая Доброго, потом на Соломинке, потом в Чернобыле.

У меня сохранились впечатления от дедушкиных имений. У него был потрясающий приход. Все были такие «недобитые» рафинированные интеллигенты. Они как-то так подобрались, особенно после того, как уничтожили о. Анатолия Жураковского. Вся его «команда» перешла к дедушке.

Я помню, там были дамы из XIX века, с камнями, локонами, очень куль-

турной речью. Они приходили, включался проигрыватель, и они пели песни. Прямо дома. У дедушки стояло большое кресло, он всегда был в белой рясе в этот день. Там большая квартира была. Метров тридцать пять. А до этого они вообще занимали чуть не пол-этажа в бабушкиной квартире. Бабушкин отец был директором сахарного завода. А бабушкину маму убили во время революционных событий.

Дедушка сильно болел. У него был перитонит, аденома. После второй операции он умер.

А в нынешнем православном Киеве много людей, выросших в его общине, здесь преемственность существует?
Из того поколения — нет.

Беседовали Александр Буров и Николай Эпше Киев, 25 сентября 2007 года

(Фото с сайта www.russian-globe.com)

ЖИЗНЬ ОБЩИНЫ ДЛЯ МЕНЯ ДОРОЖЕ МОЕГО ЛИЧНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ

В дни памяти новомучеников и исповедников российских мы публикуем стоявший в программе Рождественских чтений, но не прозвучавший на них по не зависящим от автора обстоятельствам* доклад бакалавра богословия Екатерины Степановой «Священномученик Анатолий Журавковский: опыт приходской деятельности в условиях гонений (20-е – 30-е годы XX века)»

Анатолий Журавковский родился 17 марта 1897 г. в Москве в семье, представлявшей собой «распространенный тип русских интеллигентов, людей сердечных, безусловно, честных, но утративших и веру, и сколько-нибудь устойчивый уклад бытовой жизни»¹. Отец, Евгений Дмитриевич Журавковский, преподавал в средних и высших учебных заведениях русский язык, эстетику, теорию искусства. У Анатолия был старший брат — Геннадий и младшие брат и сестра — Аркадий и Евгения. В целом обстановка родительского дома «была лишена всякой «мистики»², тем удивительнее выглядит тот факт, что болезнь и ранняя смерть Аркадия от туберкулеза привели тогда восьмилетнего Анатолия, не имевшего религиозного воспитания, к молитве, в храм, в церковь.

В семье увлеченность Анатолия религией сочувствия не вызвала, скорее, наоборот. Родители пытались даже прибегнуть к помощи психолога. Когда в поисках более подходящего для здоровья матери климата семья Журавковских переехала в 1911 г. в Киев, Анатолий познакомился с сослуживцем отца, университетским приват-доцентом, философом Василием Васильевичем Зеньковским, бывшим в то время председателем киевского Религиозно-философского общества. Это знакомство переросло в дружбу. Став участником заседаний Религиозно-философского общества, Анатолий Журавковский вошел в кружок, в который входили «и либеральные учёные протоиереи, и заслуженные профессора Духовной академии, и деятельные приходские священники». Достаточно назвать такие имена, как Пётр Павлович Кудрявцев, Василий Ильич Экземплярский, протоиерей Михаил Елинский, выдающийся библист и гебраист о. Александр Глаголев. Безусловно, этот круг во многом повлиял на мировоззрение будущего о. Анатолия.

По окончании гимназии в 1915 г. Анатолий Журавковский поступил в Киевский университет на историко-филологический факультет, причем одновременно на два отделения: классическое и философское. Под руководством Василия Зеньковского он написал работу «Жозеф де Местр и Константин Леонтьев», за которую получил золотую медаль.

В 1916 г. Журавковский мобилизуется, но по состоянию здоровья он попадает в нестроевую часть, преподает в школе для солдат физику и математику и пишет статьи, опубликованные позже Экземплярским в «Христианской мысли» («К вопросу о вечных муках», «Тайна любви и таинство брака», «Литургический канон теперь и прежде»).

В марте 1917 г. император в России отрекся от престола, и государство возлагало Временное правительство. вновь открывается возможность созыва Поместного собора, подготовка к которому активно шла еще в начале XX века. Вот что пишет из армии в марте 1917 года Анатолий Журавковский: «Еще я думаю, что во всяком случае для Церкви настали дни испытания теперь. Хотелось бы верить, что кончились дни Ее рабства...»

Вопрос о близлежащем Церковном Собрании меня гораздо более, и живее, и глубже интересует, чем вопрос об Учредительном Собрании. Я серьёзно обдумываю вопрос церковных реформ, вопрос о возрождении Церкви.

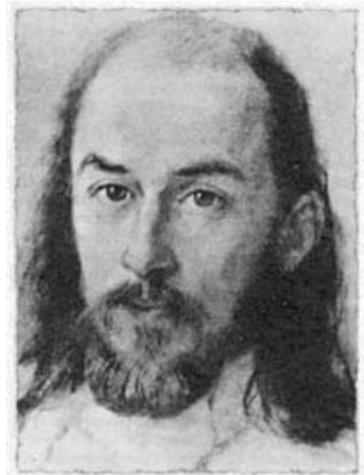
У нас задача срочная, серьёзная, неотложная. Это задача церковная. По-видимому, близится час, когда Церковь, быть может, потеряет свою пышность, но обретёт свободу. Из рабы, да будет прощено мне жёсткое слово, наложники государства, обласканной, но лишённой свободы, Русская Церковь сделается свободной. Час обновления Церкви близок. И мы должны быть готовы.

Василий Ильич (Экземплярский — Е.С.) пишет, что у него уже организованы беседы о реформе Церкви под руководством о. Спиридона (Кислякова — Е.С.). Вот и всем нам, православным, следует, так или иначе, приступить к разработке проблем, связанных с этим вопросом. Конечно, не «революции» надо готовить, а серьёзно, вдумчиво, молитвенно разбираться в вопросах. Вот что нужно, это — единое на потребу»³.

* На конференции «Агиология: проблемы и задачи», проходившей в рамках IV направления работы Чтений, ведущий — архиеп. Алексий (Фролов) — заявил автору доклада, что программа ничего не значит, и об участии в работе секции нужно было договариваться лично с ним. Можно предположить, что это беспрецедентное заявление было вызвано давней и острой неприязнью архиеп. Алексия к ректору Свято-Филаретовского института, свящ. Георгию Кочеткову. Е. Степанова, как и множество других студентов и преподавателей СФИ, была заявлена в программе как представительница института. Возможно, именно это привело к тому, что ведущий запретил ей зачитывать на секции подготовленный и включенный в программу доклад.

Анатолий Журавковский возвращается в Киев, заканчивает Университет. В августе 1920 г. в Киево-Печерской Лавре его рукополагают, и он начинает служить вначале в деревне Красногорка, а через год переводится в Киев и служит в церкви св. Марии Магдалины при детском приюте. Жена о. Анатолия, Нина, вспоминает: «Это была маленькая, деревянная, барачного типа церковь, бывшая домовая церковь при приюте. <...> Несколько стариков в правлении, несколько девочек из соседних дворов в хоре, кучка прихожан. Так началась наша община»⁴. Однако люди потянулись, храм постепенно наполнился молящимися. Отец Анатолий считал богослужение сердцем церковной жизни, а литургию — сердцем богослужения, и, конечно, такое его отношение отражалось на том, как велось богослужение на его приходе. Вот что пишет в своих воспоминаниях его жена Нина: «Тайна Православия в соборности. В храме, как и в жизни, нет просто стоящих, углубленных в свои переживания людей. Есть «живой организм любви», связующий в неразрывное единство и пасущий, и пасомых, и пастырей, и мирян. Настойчиво, день за днем открывал батюшка радостные тайны, и незаметно для себя община начинала жить всей полнотой церковной жизни. Хор — теперь он состоял из тех, кто пришел в храм для молитвы, для богослужения — воистину стал устами всех верующих. Эти девочки и юноши, уже изведавшие разные дороги жизни, сливали свои голоса в едином устремлении (не было там особых «солистов», особых замысловатых «номеров»), «едиными устами и единым сердцем», устами и сердцем нашей общины несли к осязаемым вершинам наши земные голоса: «Тебе благодарим...» И все больше и больше вливалось голосов, и не было уже хора, а была Церковь». И далее «К каждому богослужению готовились, как к великому празднику. Заранее прочитывалась служба, батюшка давал указания, как составить службу. Если служба была особенно сложной или торжественной, привлекались профессора Духовной академии, и они особенно внимательно проводили беседы с общиной, заостряя внимание на особенностях именно этого богослужения. Не было никого из общины, для кого слова октоих, минея, триоды были бы пустыми звуками. И оттого было так доходчиво каждое служение, и не было скромных предложений, неотчетливых или с досадными ошибками в ударении слов, каждое слово было проверено, каждое неясное место разъяснено. И надо было видеть, как жадно слушали молящиеся каждое слово, все стихиры, кафизмы, каноны — все то, во время чтения чего обычно бывает шарканье ног, хождение». «И еще батюшка совершенно вывел обычай, когда хор заглушал слова служащего священника: в строгой очередности велось богослужение, ни одно слово богослужения не заглушалось хором». На приходе рождалась сестричество во имя св. Марии Магдалины, когда через год власти закроют храм и о. Анатолий с общиной вынужденно перейдет в храм Иоанна Златоуста, тогда же появится и братство свт. Иоанна Златоуста. Кроме общего богослужения и заботы о храме прихожан о. Анатолия объединяла и другая деятельность. «Строгого послушания у общинников не было, делали кто что мог, и в зависимости от склада своей личности входили в то или иное дело»⁵. Существовал так называемый «стол милосердия»: братья и сестры занимались «благотворительностью, сбором средств и распределением их среди бедных. Несколько опытных врачей, входивших в общину, помогали больным, девушки безвозмездно ухаживали за лежачими»⁶. Часть сестер изготавливала игрушки и цветы на продажу для сбора средств в помощь больным, одиноким, немущим. Так же из заработанных средств община поддерживала заключенных, в том числе и самого о. Анатолия во время его ссылки. Братья и сестры «занимались церковным и общедуховным самообразованием, собирались вместе для чтения Св. Писания, обсуждали его, читали богословскую и классическую литературу»⁷, в круг общинных интересов «входили и Кант, и Владимир Соловьев, и Достоевский, и Всеволод Иванов. Существовала и группа по изучению богословия»⁸.

Особое внимание о. Анатолий уделял обучению детей. Еще до рукоположения, в 1918 г., в газете «Слово» он писал: «Наши школы не только не содействуют религиозному росту души, но мешают, противодействуют ему. Закон Божий в той форме, в какой он у нас преподается, внушает детям только отвращение к вопросам веры. Другие предметы, в своей оторванности от основ религиозного ведения, тоже отчуждают душу ребенка от религиозной правды»⁹. Напомним, что внешние условия становились всё более и более неблагоприятными для церковной жизни,

Свящ. Анатолий Журавковский.
Портрет в лагере. 1930-е гг.

начинали разворачиваться гонения, соответствующим образом менялась обстановка и в учебных заведениях. В этих условиях несколько сестер из общины о. Анатолия занимались как домашние репетиторы с детьми из верующих семей.

В 1923 г. о. Анатолий был арестован «за подрыв советской власти путём проповедей» и сослан на два года в Краснокошайск (Июшкар-Ола). За ним в ссылку добровольно последовала его жена, приезжали и другие общинники. Из переписки видно, что несмотря на физическую удаленность пастыря община хранила связь с ним, советовалась об устройении жизни. Вот фрагмент из письма о. Анатолия от февраля 1924 г.: «Жизнь общины для меня дороже моего личного существования. А еще дороже жизнь Церкви и Ее вечной святости. И хотелось бы, чтобы жизнь общины была полной, осмысленной, радостной, неразрывно связанной с жизнью и страданиями всей тяжелой, изнемогающей в муках Церкви...»

Мы маленькие и слабые. Сделать мы ничего не умеем и, вероятно, не сделаем. Но мы имели на пути своем светлое видение и хранили «большую идею», как говорил Достоевский. Видение это, в двух словах, — христианская община или, еще шире и лучше, — христианская общественность»¹⁰.

В декабре 1924 г., благодаря хлопотам общины, о. Анатолий досрочно возвращается в Киев. Он служит, проповедует. Но в октябре 1930 г. следует повторный арест, обвинение в контрреволюционной деятельности (т.к. после выхода Декларации митр. Сергия о. Анатолий и его община стали «непоминательными») и приговор к 10 годам лагерей. В 1937 г. в лагере о. Анатолий будет расстрелян по приговору лагерной тройки.

Несмотря на то, что священнический путь о. Анатолия был сравнительно недолог, — он был рукоположен в 23 года, первый арест пришелся на 26 лет, второй — на 33 года, затем — следствие, лагерь и расстрел в 40 лет — он многое успел сделать и как проповедник, и как пастырь. В том числе и явить в своей жизни и в жизни кормяемой им общины в ту меру, в какую это было тогда возможно, ту самую «христианскую общественность», что, несомненно, принесло свои плоды, за которые мы и сейчас можем благодарить Бога, великая Его верного служителя — о. Анатолия Журавковского.

¹ Семенов-Басин И., Прощенко П. Возрождение накануне Голгофы: Священник Анатолий Журавковский. Ркл.

² Прощенко П. Навстречу другому // Истина и жизнь. 2006. № 3. С. 17.

³ Священник Анатолий Журавковский. Материалы к житию. Париж, 1984. С. 60–61.

⁴ Там же. С. 199.

⁵ Там же. С. 212.

⁶ Прощенко П. Навстречу другому. // Истина и жизнь. 2006. № 3. С. 23.

⁷ Священник Анатолий Журавковский. Материалы к житию. С. 212.

⁸ Мировосходы в эпоху ГУЛАГа. 1918–1932: Свидетельства.

⁹ Мемуары / Сост. П. Прощенко. Н. Новгород, 2004. С. 498.

¹⁰ Цит. по: Семенов-Басин И., Прощенко П. Возрождение накануне Голгофы.

¹¹ Священник Анатолий Журавковский. Материалы к житию. С. 87.

ЦЕРКОВНЫЕ СМИ И ВОПРОСЫ ПРАВДЫ И СПРАВЕДИВОСТИ

Фрагменты доклада, прозвучавшего на журналистской секции Рождественских чтений

1. ОБ ЭТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПАХ ЖУРНАЛИСТИКИ

2008 год — это двадцатилетний юбилей церковной свободы. Очевидно, что сейчас начинается новый этап церковной жизни. Церковь заняла прочное место в обществе, наладила взаимоотношения и с государством, и с основными традиционными религиями. Большинство наших сограждан крещено в православии, эти люди доверяют Церкви (правда, воцерковленным из них являются, по разным подсчетам, от 3 до 8%). Это говорит о том, что инфраструктура восстановлена, «тылы» готовы, настало время деятельной миссии и катехизации: более 90% населения — это та аудитория, к которой может обратиться Церковь.

В связи с этим трудно переоценить роль церковных СМИ, способных не только «обслуживать» православных, быть не только средством обмена информацией внутри Церкви, но, что очень важно, непосредственно влиять на «внешних».

Мы говорим не только о церковно-просветительских СМИ, которые могут обратиться с проповедью к нашим новоцерковленным согражданам на «их» языке — языке современной культуры и науки. Мы говорим, и это главное, о наших внутрицерковных СМИ, которые являются срезом сегодняшнего православия для «внешних». А как еще «внешним» узнать что-то о реальной Церкви, а не об «идеальном прошлом»? От того, каким православие будет представлено в наших СМИ, зависит наше будущее.

Попробуем взглянуть на основные принципы православных СМИ через призму Евангелия. Для этого обратимся к наследию митрополита Антония Сурожского, к его беседе «О Евангельском благовестии». Православные СМИ, как им и положено, часто обращаются к Евангелию. Те, кто являются христианами хотя бы несколько лет, уже выучили, запомнили, что Евангелие — благовествование, что Христос в жизнь, в мир принес такую вещь, которая превосходит своей красотой, смыслом, творческим «напором» всякую другую. Но если спросить честно самих себя, спросить людей, обратиться к страницам изданий с вопросом: а в чем благая вещь в нашем опыте? как мы ее определяем? как мы видим ее в жизни? — то большей частью четкого ответа мы не получим. Остается открытым вопрос о том, насколько наше понимание, наше знание, насколько разговоры о Евангелии в СМИ являются нам Евангелие в жизни, являются людям именно Благую вещь. Как правило, на эти вопросы нам даются ответы «богословского» содержания: о примирении с Богом, прощении грехов и многое другое. Все это, конечно, правда; но ищущие, алчущие сердца часто чувствуют, что это — объективная, но не личная, не опытная правда для говорящего.

Остановимся на некоторых аспектах.

Мирской опыт говорит людям, что жизнь — жестока; никакой пощады от человека или от жизни не следует ждать; многое в социуме базируется на том, что естественный враг человеку — его ближний. Небольшие островки человечности — семья, круг друзей — картину не меняют. Для очень многих людей единственный способ прожить — это стать бесчувственным, «железным», чтобы ничто не могло проникнуть в душу, нужно даже в какой-то степени в себе нести не только сознание, но физическое ощущение мертвости. Нужно заранее знать и готовиться к тому, что ради денег, ради идеологии или просто ради прихоти какого-нибудь «шизофреника» тебя сотрут в порошок.

Часто мы уверяем себя, что описанная картина — это достояние «загнивающего запада», которое приводит к нравственному разложению нашего народа. Но увы — и некоторые стороны нашей церковной жизни, в том числе и часть церковных СМИ, за прошедшие 20 лет вместе с нашим миром приняли закон жизни «человек человеку — волк».

...Мы убеждены, что наши православные СМИ должны показать и нам, христианам, и «внешним» что — да, мир полон людей, которых можно считать прирожденными врагами, опасностью для жизни, опасностью для чистоты души, но оказывается, что и этих людей любит Бог, как отец любит своих детей, а значит, хотя бы тут, в нашей Церкви, одни люди могут доверять другим людям, говорить друг с другом как братья, говорить честно, открыто, по-взрослому, говорить с надеждой на ответную искренность.

...

2. СМИ И ЕВАНГЕЛИЕ

... Да, даже в Церкви люди часто оказываются «хищными зверями», они могут поступать жестоко, безумно, но мы должны свидетельствовать, что у нас один и тот же Отец, что каждый из нас равно любим Богом и каждым из нас равно дорожит Церковью, и что мы внутри Церкви уж никак не можем враждовать друг с другом. Такой взгляд может показаться детско-стью, незрелостью, — пусть, но мы убеждены, что именно это та высота, к которой христианская журналистика должна стремиться и хоть сколько-нибудь приближаться.

В окружающей нас жизни до человеческого достоинства мало кому есть дело. Но мы видим в Евангелии, как Бог относится к человеку: с глубочайшим

уважением, не как хозяин к рабу, не как языческий бог к людям, которые ему подвластны, но совершенно по-иному. ...В этом мире люди могут друг друга унижать, не признавать достоинства другого человека, — Бог всегда его признает и требует уважения к этому достоинству, и как бы вызывает его каким-то чудом из тех глубин, где оно зарыто.

...Евангелие поражает тем, что открывает нам изумительную солидарность Бога с человеком. Он от нас не отмежевался тогда, когда можно было бы стыдиться нас, Он не отвернулся от нас тогда, когда можно было с отвращением отвести взор, — Он остался с нами. И вот в Церкви и в церковных СМИ так же должна быть эта солидарность, несмотря ни на что. Нам пора перестать отмежевываться от тех, кто в наших глазах «нецерковен», от тех, кто «идет не в ногу».

3. СМИ И РЕАЛЬНОСТЬ

Итак, основные принципы изложены. Что же мы видим в реальности?

1. Совершенно понятно, что нельзя всех обязать иметь один единый подход к описанию церковной действительности. Каждое СМИ выбирает себе тот путь, который приемлем. Главное, чтобы возможные подходы не противопоставлялись, не отвергали друг друга.

На наш взгляд, наиболее соответствует указанным выше принципам журналистики тот вариант, при котором говорится о церковной жизни так как она есть «на самом деле», говорится о проблемах, о наличии разных точек зрения по тем или иным вопросам, о разных практиках в той или иной области. Безусловно, читатель должен в первую очередь знать о некоторых исторически выработанных предпочтениях в вероучении и в церковной жизни. Этому, по нашему мнению, и были посвящены прошедшие 20 лет. За это время была издана вся основополагающая литература, мимо которой современный новоначальный христианин никак не может пройти. Но мы убеждены, что наряду с этим именно из церковных СМИ (а не из светской «желтой» прессы) читатели обязаны узнавать и о тех трудностях и неудачах, которые есть в нашей церковной жизни, иначе как же их исправить сейчас и избежать в будущем?

2. ... Мы уверены, что если с «надменно-профессиональной» позиции подходить к публицистике, то любую публикацию можно разгромить в «пух и прах». Профессиональные богословы, педагоги, психологи, философы, историки всегда найдут, к чему придраться в любом тексте, затрагивающем их тематику. Критики очень часто в некоторой степени восхваляют себе статус судьи. Они не утруждают себя ясным и четким изложением своей точки зрения на «спорные» вопросы, а все свои силы тратят на исследование «недостатков» и огрехов той или иной статьи или выступления, а бывает, и самих авторов. Следует сказать, что иногда этим занимаются даже миряне в отношении авторов-священников, доходя в отношении их до требований каких-то прещений. Очевидно, что эти люди восхваляют себе функцию блюстителя церкви — епископа.

Мы уверены, что анализ публицистики должен вестись по совершенно другим законам. В христианской публицистике возможно отображение любых взглядов авторов, если последние не используют манипуляцию сознанием (запугивание, давление авторитетом, обман и т.д.), не пропагандируют еретические идеи, соборно осужденные Церковью, не призывают к нарушению заповедей Божьих, не призывают к противостоянию церковным властям. Все остальные суждения вполне допускаются, тем более, если они представлены в печати наравне с другими точками зрения.

Возможное и вполне корректное развитие полемики может быть следующим: есть некоторый текст, в нем сказано то-то и то-то. Критик со своей стороны думает иначе потому-то и потому-то. Пусть читатель выбирает сам. Не более того.

3. В критических публикациях некоторых православных СМИ присутствует не только путаница, но и намеренное «нерасличение» таких понятий как «автор», «текст, написанный автором», «должность автора» и «церковная или светская структура, в которой автор работает». Если в публикации не делается таких различий, то это низость. Примеры у всех перед глазами, кто-то открыто и честно высказал свою точку зрения, этот взгляд кому-то не понравился, и критики, не желая полемизировать с текстом, порочат автора, его руководство и организацию.

Поэтому многие проповедники, миссионеры и катехизаторы боятся сказать «публичное слово» — ведь огрехи текста критики превратят в «грехи» не только автора, но и организации, где он работает.

...

5. Среди прочего читатели видят множество более частных противоречий. К примеру, часто можно прочесть, что путь к Богу — это путь личной веры, покаяния и любви. Такие рассуждения вполне уживаются на одних страницах со свидетельством, что некоторые бра-

тья и сестры во Христе друг для друга — злейшие враги. Читатели знают, что горстка первых христиан завоевала вселенную, и тут же видят ожесточенную войну с миссионерами, открытый отказ от активной миссии в современных условиях. Из прессы читатели узнают много интересного о святых людях, например, о великих нестяжателях прошлого, и тут же видят в ларьках победившую коммерцию, вплоть до изображения икон на тарелках! Церковные СМИ призывают христиан быть смиренными, и тут же выявляют превозношение над иноверцами, вплоть до откровенных издевок.

Самое обидное, что в наших церковных СМИ трудно увидеть различие главного и второстепенного, трудно увидеть деятельный призыв к единению вокруг Чашы Господней вопреки разногласиям...

Наиболее ярко сказанное подтверждается наличием серьезных разделений. В Символе веры поем и читаем «верую во Единую, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь», на практике же у нас наличествует явная рознь из-за вопросов очевидно второстепенных. Например, сейчас, мы видим, тлеет «разделение» по вопросу о «частом причащении». Опыт показывает, что в таких «противостояниях» действует принцип: «все средства хороши», вплоть до того, что «трибуну» готовы дать кому ни попадя, хоть атеистам, хоть раскольникам, лишь бы «прокинуть» неудобного. Мы видим, что часто именно церковные СМИ становятся орудием странных идеологических и политических игр, цель которых — расколоть тело Церкви. Появляются писатели-провокаторы. Если кому-то надо очернить кого-нибудь неудобного, то некоторые «православные» СМИ вполне приемлют какую-нибудь грязную статью о ком-то, но при случае руководство СМИ говорит, что автор говорил от себя и не отражал точку зрения редакции.

Мы остро нуждаемся в информационных площадках, где возможно вести цивилизованную дискуссию. Цель дискуссий может быть только одна — разобраться в проблеме, а никак не суд над виновными.

Не так уж редко «внешние» люди видят в православной печати противоречивые, безграмотные, серые и, что самое важное, не имеющие отношения к их конкретной жизни тексты. Сказанное иллюстрирует такая область, как «православные ответы на вопросы» — один из популярнейших разделов церковных СМИ. ...Общий недостаток многих отвечающих в том, что они не объясняют — «почему». Они дают ответ свысока, не утруждая себя правдивыми объяснениями, понятными и доступными людям. Вместо этого бегут мифотворчество. Часто даже язык, на котором даются ответы, таков, что он понятен только горстке церковно образованных людей. Людям же хочется получать ответ на простом, понятном и правдивом языке.

...

8. ... задача церковной журналистики — «внуживать» информацию от делателей, а не печатать готовый материал от критиков делателей работы. На этом можно остановиться более подробно. Сейчас появился целый класс подобных «судей» которые занимаются только тем, что «под лупой» рассматривают мнимые и настоящие ошибки церковных делателей. Их критика, как правило, основана на том, что делатели неудачно описали свой удачный опыт, применили не те «термины» и проч. Понятно, что последние, не поддержанные СМИ, проигрывают первым, поскольку не имеют ни времени, ни часто способностей описывать свою работу.

9. ...В 1994 - 1998 годах было издано много книг, предлагающих серьезные размышления над теми трудностями, с которыми столкнулась и еще столкнется наша Церковь. Из этих книг можно было бы извлечь множество уроков и к этим книгам стоит отсылать читателя для освоения уже накопленного опыта. Но из года в год мы видим одну и ту же картину: «первый раз — в первый класс». Мало кто воспитывает народ, отсылая его к грамотной серьезной литературе, большинство «по кругу» на «бытовом уровне» рассуждая все так же и все о том же.

В итоге «внешние» люди смотрят на православие, как на «детсад». Двадцать лет со всей серьезностью обсуждаются «юбки», «платочки», «собаки в доме» и прочее. Вместо воспитания зрелости, раскрытия действительных основ православия СМИ все время обсуждают: можно ли есть в пост креветок? И пишущие целые статьи! Можно ли праздновать Новый год? Можно ли пользоваться презервативами? Ну почему, например, до воцерковления еда для человека — достояние «по кругу» на «бытовом уровне» рассуждая все так же и все о том же.

...

11. В заключение хотелось бы сказать, что все сказанное лишь «взгляд со стороны». Мы убеждены, что катехизаторам и миссионерам есть что обсудить с православными журналистами. Об этом говорил С.В. Чаплин на круглом столе «Катехизация в современной Церкви: вопросы, опыт, пути развития», прошедшем в декабре 2007 г. в Даниловом монастыре. Мы надеемся, что наш доклад будет вкладом в это будущее обсуждение.

Ю.С. БЕЛАНОВСКИЙ, А.В. БОЖЕНОВ

МАРГИНАЛЫ ОБЪЕДИНИЛИСЬ С МАРГИНАЛАМИ...

Но не надо бояться этого – маргиналами были и первые христиане

Беседа с известным историком Церкви, непосредственным участником процесса воссоединения РПЦ с РПЦЗ профессором протоиереем Георгием Митрофановым о плодах этого объединения

«Кифа»: *О. Георгий, одним из важнейших церковных событий минувшего года было то, что в день Вознесения, в Москве в храме Христа Спасителя, который является «символом национального покаяния», в присутствии сильных мира сего, произошло торжественное подписание Акта о каноническом общении РПЦ с РПЦЗ. Но вот торжество закончилось и каковы плоды, пускай и предварительные?*

Прот. Георгий Митрофанов: Мне кажется, что за последние годы мы стали склонны несколько преувеличивать значение событий нашей внутренней церковной жизни. И многие события, кажущиеся при обремененности некоторыми историческими знаниями само собой разумеющимися, у нас приобретают характер чего-то эпохального. Если мы вспомним заветы отцов-основателей РПЦЗ, то увидим, что они сводились к следующему: как только в России станет возможно провести свободный церковный собор, их иерархи приедут и примут в нем участие. Именно эти заветы наконец были исполнены, хотя и достаточно запоздало. Ощущение того, что многие процессы в нашей церковной жизни происходят замедленно, несмотря на меняющуюся с калейдоскопической быстротой ситуацию в стране, например в 90-е годы, меня не покидало во время этого события.

Более того, на следующий день после подписания Акта об объединении от нескольких священнослужителей Зарубежной церкви я слышал эти же самые слова: «Нам надо было объединиться в начале 90-х годов». К сожалению, этого не произошло. Тогда произошло нечто прямо противоположное. И сейчас, говоря о том, что же все-таки произошло в праздник Вознесения 2007 года, могу сказать, что произошло то, что давно созрело и даже стало «перезреть». В этом событии для меня отразилось общее состояние нашей церковной жизни. Очень многие проблемы, осмыслившиеся как проблемы нашими далекими предшественниками, сейчас либо не осознаются как проблемы, либо игнорируются, либо сама постановка этих проблем рассматривается как признак неверия в благополучное состояние наших церковных дел, которое на самом деле не является благополучным.

Мы должны помнить, что Зарубежная церковь XXI века – это не Зарубежная церковь 20-х–30-х годов XX века. Перед нами, об этом нельзя не сказать прямо, особенно с точки зрения религиозной жизни на Западе, одна из многочисленных маргинальных религиозных групп. Таковой они все чаще ощущали себя за рубежом. Мысль о том, что сохраниться русскими православными христианами невозможно вне России, вне связи с Русской церковью, очевидная для отцов-основателей Зарубежной церкви, с большим трудом проявляла себя в действиях зарубежной иерархии и в конце 80-х и, в значительной степени, в середине 90-х годов. Я вспоминаю свое, может быть, самое сильное переживание дня нашего воссоединения, когда мы стояли в храме Христа Спасителя друг против друга по 54 клирика с каждой стороны. Пауза возникла в силу того, что мы ожидали святейшего патриарха Алексия, высокопреосвященнейшего митрополита Лавра и президента Путина. Причем к этому времени уже многие были знакомы: мы перелгивались, раскланивались, улыбались друг другу. Было ощущение прикровенно совершающегося воссоединения двух неразрывно существующих частей Русской церкви.

Смотря друг на друга, мы уже могли избавляться от стереотипов. Они уже были не такими, какими были их предшественники. Мы сильно отличаемся от тех, кого прославили в сонме новомучеников. Мы другие, и вместе с тем мы те же, мы в Русской православной церкви, которая не только в Европе или в Америке представляет собой малую религиозную группу. Мы ведь, по существу, и в нашей-то стране, если говорить об активных, практикующих, причастающихся христианах, выходящих в Церкви средоточие своей жизни, – мы тоже меньшинство. И может ли быть позволена такая роскошь нам – будучи меньшинством не только на Западе, но и в когда-то православной России, отмежевываться от тех, кто по существу уже не имеет никаких серьезных претензий богословского, политического, исторического характера к нам? Поэтому и для меня это воссоединение – событие очень светлое, очень естественное, но, увы, не столь значительное, как это могло бы быть в начале 90-х годов.

Ведь нужно иметь в виду, что и в течение 90-х годов РПЦЗ скудела, скудела людьми, все более и более теряя то свое неповторимое, может быть, со светлыми и с темными сторонами, но свое неповторимое «зарубежническое», «карловачкое» лицо, которое чем-то отталкивало, а чем-то и очень привлекало нас. Очень большое число эмигрантов четвертой волны, экономических эмигрантов 90-х годов, наводнивших приходы РПЦЗ, заставило их понять, нако-

нец, самую трудную для их восприятия истину, о том, что православная Россия, памятью о которой они жили и поддерживали свое существование, уже не существует. Существующая Россия – это совершенно другая страна, в которой и им и нам, представителям Московского патриархата, очень трудно найти свое историческое место.

Сейчас должна идти борьба за воссоздание России. Не в полном смысле слова – в полном смысле историческая Россия уже не восстановима. Многие из них жили мечтой о том, что когда наступит великое чудо и коммунизм рухнет, появится та страна, о которой они слышали от своих дедушек и бабушек. Такой страны уже не появится никогда, а какой будет новая Россия, во многом зависит от нас. Чего в ней будет больше: русского или советского, третьеримского или третьемирского, т.е. не станет ли постсоветская Россия страной третьего мира, либо не имеющей своей истории, либо отторгнутой от своей истории? И вот эта проблема – потери исторической идентичности – пред ними тоже предстала неожиданно, когда они столкнулись с четвертой волной эмиграции. Они почувствовали, что вот эти, в значительной степени секуляризованные, подчас полуязычески настроенные люди, мечтающие, покинув Россию, ассимилироваться на Западе, но пока вынужденные, в плане психологической адаптации, посещением храмов, еще поддерживать бывшие русские стереотипы, эти люди не союзники им в сохранении того, что называется русским православием. А союзник может быть только один – та самая РПЦ МП. Их приезды сюда в 90-е годы, их общение с нашим духовенством и нашими христианами дало им почувствовать то, что многие не понимали раньше – что других союзников у них в деле сохранения русской православной церковной традиции нет. Они поняли эту очевидную вещь. Поэтому, когда мы стояли в храме Христа Спасителя, было это ощущение: «ну наконец мы стоим друг против друга, чтобы быть вместе».

Они ведь там тоже люди разные и неидеальные и, смотря друг на друга, мы понимали, что нам есть в чем друг друга упрекнуть. Но все это ушло на второй план, потому что мы вдруг поняли всю тяжесть задачи, которую стоит перед нами. Вы вот назвали храм Христа Спасителя памятником покаяния – а я его таковым не считаю. Наоборот, он вызывает у меня двойственные чувства. Иногда мне кажется, что он потому и построен так масштабно, так помпезно, с такими жертвователями, чтобы изобразить нас от труда исторического покаяния. Но, как бы то ни было, для них это был зримый символ того, что в России произошли те перемены, о которых мечтали их отцы-основатели и после которых они считали для себя обязательными вернуться в Россию. Поэтому воссоединение – это, безусловно, отрадное событие – для меня лично выветвило, насколько неподъемна все-таки задача по возвращению нашей страны и нашего народа в основную своей массе в лоно Православной церкви. И здесь мы, конечно, должны объединиться.

Не могу не остановиться на еще одном важном моменте. Они, действительно потеряли свое неповторимое лицо русских зарубежников. Они уже другие. Мы должны признать, что как нам здесь, так и им в полной мере не удалось сохранить ту культурную, психологическую стилистику, которая так привлекала, например меня, в облике русских эмигрантов первой волны.

Действительно, те, кто входил в эмиграцию первой волны, часто могли дожить до старости, передав своим детям нечто. Здесь таких людей уничтожали в первом поколении. Но, к сожалению, прошло слишком много поколений там, чтобы эта неповторимость сохранилась. Можно сказать, что для христианского возрождения это не самая главная проблема. По существу, наверное, так. Но не существует другого пути православной жизни, кроме как жизни в глубокой погруженности в контекст жизни культуры и истории своего народа.

И для меня в какой-то момент стало важным, что «зарубежники», у многих из которых остаются к нам очень серьезные претензии, переступили через них. Потому что для них было очень важно сохранить Русскую православную церковь. Для меня важно определенное рода бескорыстие зарубежников. Ведь они действительно в процессе переговоров ни на чем не настаивали. Они ведь могли поставить вопрос о том, чтобы не на уровне синода, а на уровне собора нашей РПЦ МП было принято решение о воссоединении. Они могли поставить условие о необходимости нам выработать единый церковный устав, отредактированный в духе их устава. Тем более, что их устав в гораздо большей степени, чем наш, соответствует положениям устава Поместного собора 1917-18 го-

дов, который всеми признается самым значительным собором в русской церковной истории новейшего времени. Они этого не сделали. Они даже не стали добиваться для митрополита Лавра постоянного места в Синоде. И за этим стояла их готовность быстрее включиться в рабочее взаимодействие.

После службы в храме Христа Спасителя и трапезы, которая проходила под руководством патриарха, был прием у митрополита Лавра для узкого круга участников воссоединения, из числа людей, которые участвовали в нем на предварительных этапах. И в этой более камерной обстановке непосредственного общения мы говорили о том, что, собственно, это только начало, что «зарубежники» должны попытаться то немногое, что сохранилось у них, чего нам так не хватает, принести в нашу церковную жизнь. Они говорили, что сейчас они это и начнут делать. А я задавал вопросом: а не поздно ли? Не лучше ли было бы им раньше, в процессе переговоров, сформулировать какие-то свои условия?

С нашей стороны этот процесс тоже был достаточно последовательным. Но если мы будем сопоставлять изначальные позиции и итоги, нужно сказать, что на большие уступки пошли они.

«Кифа»: *Поэтом и говорят иногда о капитуляции «зарубежников».*

О. Георгий: Мне хотелось бы уйти от такого рода определений. Если мы воспринимаем обе эти части как части церкви, а не какие-то общественно-политические организации, то я не стал бы говорить о капитуляции. Я бы выразился иначе. Они рискнули довериться нам, нашей церкви, своей, собственно, церкви, своей стране, в надежде, что им удастся сохранить, пусть в малой степени, ту оставшуюся у них уникальность, самость, которой нам так не достает. На самом деле для меня этого мало. Для меня важнее, чтобы это нечто перенеслось к нам.

Чтобы не быть голословным, приведу самые простые примеры. Достаточно посмотреть, как реагирует рядовое, но связанное с эмиграцией первой и второй волны духовенство зарубежной церкви на такие, просто позорные нас, явления как почитание в качестве святого Распутина или же, например – это прозвучит парадоксально – движение в поддержку идеи царя-искупителя. Они, прославившие государя Николая II значительно раньше нас, достаточно сдержанно, особенно по сравнению с нашими православными монархистами, относятся к его личности. Еще пример: в одном из последних номеров «Церковного вестника» опубликовано замечательное выступление их и уже нашего епископа Домодедовского Евтихия. Он очень спокойно говорит на весьма для нас злободневную тему о мироточащих иконах, о проступающей на стеклах ликов святых. Говорит очень спокойно и очень трезво, показывая нам, насколько мы подчас склонны после такого абсолютного безудержного безбожия устремляться к магии – не к мисти-

Продолжение на с. 8

МАРГИНАЛЫ ОБЪЕДИНИЛИСЬ С МАРГИНАЛАМИ...

Продолжение. Начало на с. 7

ке высокого толка, а именно к магии. Он эту тему раскрывает. Замечательная статья, тем более, что он стремится говорить на эту тему с народом. Характерно и разлитое просто в воздухе традиционных зарубежных приходов отрицательное отношение к таким гримасам нашего религиозного сознания как идея о «Сталине-христианине» или о том, что маршал Жуков может считаться образцом православного воина. Для них это ярчайший пример кровопролитно непобедимого советского воначальника, который одерживал победы кровью своих солдат. Для них Жуков есть порождение той системы, которая в нашей стране попирает, прежде всего, церковь.

Их антикоммунизм уже не носит такого грубо-примитивного политического характера. Это глубинное понимание того, что наша страна оказалась в плену страшного дьявольского обольщения. А ведь обратите внимание, что в нашей церкви найдется много людей, готовых превратить православие в разновидность коммуно-евразийской идеологии. У них этого нет, как нет и нарочитого стремления ставить церковную жизнь в зависимость от отношений с государственной властью. Они, потомки синодального духовенства, научились в эмиграции жить, опираясь на себя, на силу своих приходских общин, на авторитет своих архиереев, они ничего не ждут от государства. И они нас могут научить как существовать в условиях правового государства, ничего от государства не ожидая, а основное внимание обращая на внутрицерковную жизнь. Все это разлито у них в воздухе. Но удастся ли им это передать нам — это вопрос.

«Кифа»: В некоторых из Ваших предыдущих выступлений, если я правильно поняла, звучала мысль: вся неправота истерия взаимоотношений с РПЦ сводится к некоторому недоразумению. Вот оно было, но теперь мы его, слава Богу, выяснили и устранили. Это так?

О. Георгий: Это не может считаться недоразумением, как не может считаться недоразумением конфликт с митрополитом Сергием митрополита Кирилла (Смирнова) и митрополита Агафангела (Преображенского) — тех патриарших местоблюстителей, которые выступили против его политики.

Долгое время позиция митрополита Сергия (я позанимался с критикой этой позиции в свои студенческие годы со стороны именно карловчан) казалась мне как историко-неуязвимой. Потому что действительно на многие их обвинения можно было возражать одним и тем же словом, одной и той же фразой: «Приезжайте и живите здесь. То, что вы там, лишает вас права выносить столь категорические суждения». Более того, даже когда они были правы в своей критике митрополита Сергия, их праваго обесценивалась их совершенно безопасным положением. Вот почему нравственно более правильную позицию занимал митрополит Евлогий (Горгиев-

кий), который не позволял себе даже в ситуации, когда митрополит Сергей вел себя безусловно неправильно, резко его критиковать. Но когда я, опять-таки как историк, с конца 80-х годов стал погружаться в мир церкви непомянувших (до этого была только книга Льва Регельсона «Трагедия Русской церкви», которая говорила о позиции непомянувших), когда открылось их видение церковной жизни в нашей стране — видение людей, которые пребывали здесь, погибли и всю свою критику митрополита Сергия подкрепляли мученической кровью, я во многом должен был переосмыслить свое отношение к политике митрополита Сергия. Ощущение базальтернативности его политики прошло. Как часто размышляли мы? Да, плохая была политика, и карловчане в чем-то правы в своей критике, но другой политики проводить было невозможно. А на самом деле возможно. Это стало понятно, в том числе в нашей церкви, когда с канонизацией новомучеников стала обнаруживаться альтернатива церковной жизни в нашей стране в условиях гонений. Альтернатива, для многих чреватая гибелью.

«Кифа»: Но парадоксальным образом подписание Акта о каноническом общении закрывает эту тему. Я слышу уже от молодых священников высказывания, которые сводятся к тому, что XX век в истории православия — это то, что должно быть забыто. Как это можно забыть? Это же катастрофа!

О. Георгий: На XX веке объединение с зарубежниками точки не ставит. Наоборот, увлеченность зарубежных трагедий XX века отчасти передается и нам. И, конечно, то, что произошло сейчас — это не преодоление недоразумения, а понимание того, что в конечном итоге Русская православная церковь в настоящее время является продолжательницей не только иерархии карловацкой или сергианской, но всей русской церковной иерархии, которая искала пути сохранения русской церковной жизни в страшном XX веке. Наконец, мы можем сказать, что они все наши — и митрополит Анастасий (Грибановский), и митрополит Кирилл (Смирнов), и архиепископ Иларион (Троицкий), вот такие разные, они все наши. Наши предшественники и наши учителя.

«Кифа»: Какими же в двух словах итоги этих размышлений?

О. Георгий: Что я могу сказать? Маргиналы объединились с маргиналами. Не надо этого пугаться — маргиналами были первые христиане. Вы сами маргиналы среди маргиналов. Когда церковь становится церковью большинства, она во многом перестает быть церковью. Мы поняли свою уязвимость, свою хрупкость. Нам что больше всего мешает? Дух триумфализма. В объединении-то ощущалось совсем другое, как писал, по моему, Туроверов, в стихотворении «Перекор» кажется: «Нас было мало, слишком мало».

Беседовал Александр Буров

В БЕСПЛОДНЫХ ПОИСКАХ ИСТИНЫ

Монография «Культы и культура: От Елены Блаватской до Рона Хаббарда» (М.: РГГУ, 2007, 265 с.) известного религиоведа и культуролога Бориса Фаликова посвящена новым религиозным движениям (НРД). В непринужденной манере, привлекая самые разнообразные источники, автор рассказывает о религиозных экспериментах и созданных ими образованиях.

Еще каких-нибудь 15-20 лет назад среднестатистический россиянин и слыхом не слыхивал о кришнаитах, сентологах, неоязычниках, последователях NEW AGE и ТМ (трансцендентальной медитации). Сегодня они стали частью российской реальности. То на Кузнецком мосту услышишь барабаны поклонников Кришны, то пассажир в электричке вдруг предложит познакомиться с учением преподобного Муну, то увидишь, как где-нибудь за городом водят свои хороводы язычники. А то еще придет соседка и расскажет, что ее сын участвует в каком-то культе.

В российском обществе сегодня существует влиятельная группа «антикультуристов» во главе с Александром Дворкинским, которая занимается разучиванием и даже шельмованием «оталитарных сект». Борис Фаликов, напротив, стремится понять нетрадиционные религии, рассмотреть динамику их развития, путь НРД из области контркультуры в мейнстрим.

При этом нельзя сказать, что он испытывает особые симпатии к адептам новых культов: горящие глаза и оголенные его определено пугают. Не случайно в работе можно встретить резкие штыты в адрес НРД. Например, автор приводит высказывание судьи Поля Бреккенриджа о сентологах: «Организация носит шизофренический и параноидальный характер, и эта странная комбинация, судя по всему, отражает характер ее основателя». Но все-таки Фаликов старается стать на позицию объективного исследователя, и именно с этой позиции оценивать жесты и фигуры поведения сторонников новых верований.

Свое исследование Фаликов начинал с мадам Блаватской, чьи книги в со-

ветские времена имели широкое хождение в самиздате. Шаг за шагом прослеживает он путь этой небесталанной женщины, создавшей оккультное учение в неовосточной упаковке и увлекшей за собой немало интеллектуалов. В следующей главе появляется фигура другого антропософа — Рудольфа Штейнера. И появляется она на фоне интеллектуальных исканий Николая Бердяева. Оккультное и притягивало, и отталкивало замечательного русского философа. Одно время он даже полагал, что оккультные силы помогут творческому преображению живой природы. Но уже к 1916 году у Бердяева сложился вполне определенный взгляд на антропософию: современные оккультные учения не понимают и не принимают Христа, не ведут к преображению мира и фактически не выходят за рамки плоского рационализма.

В последующих главах Фаликов пишет о Георгии Гурджиеве и Роне Хаббарде, о Свами Бхактиведанте и Дэвиде Линче. Кришнаиты, представители трансцендентальной медитации и «Врат рая» становятся объектом его исследований. Не обходит Фаликов стороной и новые российские культы: отдельные главы посвящены русским неоязычникам, «Богородичному центру», «Белому братству».

В книге немало любопытных подробностей и интеллектуальных поворотов. Скажем, размышляя о неоязычестве, Фаликов пишет о приключении мифов, которые (как произошло это в случае с «Властелином колец» Толкиена) обрели онтологическую завершенность.

По мнению Фаликова, сегодня в мире происходит два встречных процесса: с одной стороны, секуляризация — отсечение религии на периферии общественных процессов, превращение ее в частное дело индивида. С другой — попытки сакрализации природы, искусства, человеческих отношений. НРД, замечает исследователь, способны заполнить душевную пустоту, дать успокоение и умиротворенность, но они редко приводят к истине. «Их удачи связаны с тем, что иногда им удавалось проткнуть таинственную дверь в неведомое, неудачи — с тем, что погружение на глубину они подменяли поиском разнообразия», — констатирует он.

Любопытно, что фундаменталистские течения внутри традиционных религий Фаликов связывает с НРД. И в этом есть свой резон. Ведь религиозный опыт фундаменталистов обусловлен невероятным сужением умственных горизонтов. Или просто религиозной подменой: на шумных встречах православных контрмиссионеров востро бьют мисские страсти. И это, замечает Фаликов, со всей очевидностью показывает, что перед нами такая же имитация глубины, как и бесплодные поиски NEW AGE.

В заключение отметим филологический аппарат издания. Монография снабжена подробными примечаниями и списком литературы на шесть страниц. Разве что отсутствует именной указатель, просто необходимый при издании работ такого уровня.

Борис КОЛЫМАГИН

НА САЙТЕ GAZETAKIFA.RU ВЫ МОЖЕТЕ НАЙТИ ОСНОВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ НОВЫХ НОМЕРОВ И АРХИВ ГАЗЕТЫ ЗА 5 ЛЕТ

Учредитель: Региональная общественная организация «Культурно-просветительский центр «Преображение»

Адрес редакции и издателя: 105062, г. Москва, ул. Покровка, д.29, стр.1
Тел./факс: (495) 624-92-50

© ООО «Преображение». Все права защищены

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов

Главный редактор: А.В. Колымагина
Зам. гл. редактора: А.А. Буров

Электронный адрес редакции: kifa@list.ru

Электронная версия газеты: http://gazetakifa.ru

Над номером работали: Анастасия Наконечная, Елена Шевелева, Дмитрий Матвеев

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-24541 от 2 июня 2006 г.

Иллюстратор: Татьяна Арязан
Дизайн: Андрей Марев
Верстка: Татьяна Тыртыш, Анна Лепехина

Отпечатано в типографии «Эльф», г. Москва, ул. Тацкая, д. 5
Тираж 1500. Цена свободная.
Выпуск подписан в печать 6 февраля 2008 г.
Время подписания в печать по графику — 9.00, фактическое — 9.00
Дата выхода в свет 9 февраля 2008 г.

Нашу газету можно приобрести в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФПИ — ул. Покровка, д.29, оф.38); в Санкт-Петербурге: в магазине «Слово» (ул. Малая Конюшенная, д. 9).

Подписной индекс в агентстве Роспечать — 19601

Телефоны распространителей
Москва: (495) 314-2596 (Александра Ошарина), 131-4769 (Ольга Филиппова), 8-916-114-6737 (Ольга Орлова), 158-9116 (Валерия Волкова), 342-6306 (Марина Чиркова);
Санкт-Петербург: 8-921-755-9926 (Анастасия Наконечная);
Архангельск: 8-921-299-4978 (Андрей Подоров);

Воронеж: 8-950-763-50-35 (Александр Терехов);
Северодвинск: 8-921-299-7687 (Нина Портнова);
Тверь: 8-(4822)-50-2308 (Олег Ермолаев);
Тула: 8-(4872)-37-5782 (Марина Писаревская)
Электросталь: 8-926-787-43-05 (Ольга Кузнецова)